

**В серии «Академия Магии»
выходят книги:**

Анна Гаврилова Наталья Жильцова

«Академия Стихий. Танец Огня»

«Академия Стихий. Душа Огня»

«Академия Стихий. Испытание Огня»

Галина Гончарова

«Академия колдовских наук».

Книга первая «Учиться, влюбиться... убиться?»

Книга вторая «Летняя практика»

Книга третья «Корни зла,
или Вперед в прошлое»

Книга четвертая «Дорога домой»

Елена Звездная

«Академия Проклятий»

ЦИКЛ ИЗ ВОСЬМИ КНИГ

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

МАГИЧЕСКИЙ УНИВЕР

УЧИТЬСЯ, ВЛЮБИТЬСЯ...
УБИТЬСЯ?

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Г 65

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г 65 Магический универ. Книга первая. «Учиться, влюбиться... убиться?» / Галина Гончарова. - Москва : Эксмо, 2014. - 576 с. - (Академия Магии).

ISBN 978-5-699-75572-1

Случайное совпадение — и Юлька, будущий биолог, становится студенткой лучшего на два мира Магического универа. Казалось бы, все новое, все незнакомое... Или нет? Учеба, дружба, любовь — разве они не одинаковы во всех мирах? Опасности, приключения, заговоры, враги — и это есть везде. Но студенты факультета боевой магии, на который поступила Юлька, трудностей не боятся. На опасность — начхать, приключению — обрадоваться, заговор — раскрыть, врага — убить... все правильно? А если что-то спутаем — друзья помогут. Или любимый человек. Ах, он не человек вовсе? Неважно. Еще раз повторим — студенты факультета боевой магии трудностей не боятся. А значит — вперед!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-75572-1

© Гончарова Г., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Часть первая

«НЕ БРОСАЙТЕ МЕНЯ В ТЕРНОВЫЙ КУСТ»

Глава 1

ПРЫЖОК В НЕИЗВЕСТНОСТЬ

Вообще-то я нормальная. Ну, или была до дня Ивана Купалы. Даю самое честное пионерское слово – я была абсолютно вменяемой занудой, одной из самых занудных в группе. Носила старые джинсы – просто потому, что так удобнее, читала детективы на переменах, вместо того чтобы разговаривать с подругами, и никогда не красилась – просто из лени. Я Юля, но всю жизнь все называют меня Леля, хотя я просто ненавижу это имя. Леля – что-то такое высокое, худое, задумчивое и с интересной бледностью лица, происходящей от несварения желудка. И очень стервозное внутри. А я веселая, взбалмошная, с вечным румянцем во всю щеку и волосами, которые принципиально торчат в разные стороны. Им, видите ли, так удобнее. А то, что я ни одну прическу не могу сделать, на голове всю жизнь как воронье гнездо, – это мелочи. Еще я студентка биологического факультета и читаю запоем книги. В общем, все как у всех, ничего особенного, велосипед не избретаем и не крадем. И вот случилось историческое событие. Хотя тогда я называла его обычным заскоком по фазе.

В одной из книг я наткнулась на описание ночи на Ивана Купалу – с шестого на седьмое июля по новому стилю. В эту ночь прыгают через костер, обливают друг друга водой и собирают магические травы. И самое главное – цветет папоротник. Кто сорвет цветок, тому будут ведомы все тайны на земле. Вообще-то у папоротника еще много функций, но эта меня заинтересовала больше всего. И я решила – надо ехать. Уж я-то наверняка найду этот цветок.

Вот стукнуло мне что-то в голову. Или по голове... Но если я упрусь в одну идею – уж поверьте мне, второй в моем мозгу не уложиться. Места, наверное, мало.

Как студентка биофака, я, конечно, знала, что папоротник не цветет. Но разве нельзя поверить в чудо? Нужно!

И я отправилась в лес за цветком папоротника. Собралась в темпе вальса, чтобы не передумать, и поехала, как и решила, за сотню километров от города. Предупредила маму, что вернусь на следующее утро, мама махнула рукой и сказала катиться колбаской и быть поосторожнее. Особо она за меня не боялась. Мы в этом лесу ежегодно отдыхали на турбазе, так что я там каждый пенек на ощупь знала. Отца решили не информировать, брат просился со мной, но я его отшила, сказав, что без сопливых скользко. Я даже не боялась ехать в лес одна. Компас был, карта леса и фонарик тоже, оделась я тепло – так что за меня беспокоиться? Волки в нашем лесу уж триста лет как не водятся, а кабаны и лоси сами к человеку не подойдут. Да и человека к себе не подпустят. Оставались еще люди, которые похуже всяких зверей, но с ними я постараюсь не встречаться. В лесу шаги далеко слышно, успею спрятаться.

В общем, самыми страшными зверями в нашем лесу были комары. Огромные и злющие. И не кормленные с зимы. И вот иду я от автобусной остановки, а от нее еще до леса километров семь пилить, да еще в лесу устраиваться, а уже темнеет. Ничего, вот доберусь, разведу маленький такой костер и буду жарить на нем взятый из дома хлеб с крахмально-бумажно-красительной колбасой, а потом пойду искать этот цветок папоротника. И обязательно найду его. Найду, потому что иначе нельзя. Я всегда верила в чудеса, а значит, они должны происходить в жизни. Обязаны! Ведь как жить без чудес? Этого и не понимали мои однокурсницы. Они не понимали, почему мне хочется плакать на рассвете, когда солнце такое большое и чистое, а мир открытый и нежный, словно спящий котенок. А я, грешна, никогда не понимала, чем косметика от фирмы Avon лучше или хуже фирмы Faberlic и как можно в пятый раз обсуждать немодный свитер училки по математике и ресницы мальчика на соседней парте. Может, это про-

сто моя ущербность? Не знаю. Но мне всегда становилось от этого тоскливо. Потому-то у меня и друзей было мало. А сейчас я шла по деревне, готовясь свернуть на проселочную дорогу...

– Леля! – окликнул меня знакомый голос.

Я обернулась, улыбаясь до ушей. Голос принадлежал бабе Вере, у которой мы всегда покупали молоко с тех пор, как меня в возрасте трех лет первый раз привезли на турбазу. Мы приходили к вечерней дойке, баба Вера наливала нам трехлитровую банку, и молоко было теплое и странно живое, и мы с братом не выдерживали и отпивали по несколько глотков прямо из банки, ссорясь за право первой очереди.

– Здравствуйте, баб Вера.

– Вечер добрый, Леля. Вы отдохнуть приехали? – спросила старушка.

– Нет, это моя самодеятельность, – откликнулась я. – Захотелось отметить ночь на Ивана Купалу.

Лицо бабы Веры словно потемнело.

– Зря ты это задумала, Леля, зря.

– Почему? – не поняла я.

– Сегодня темная ночь, – непонятно ответила она. – Кто знает, что сегодня выйдет из ворот...

– Из каких ворот?

– Это не важно. Может, не пойдешь?

– А куда мне тогда? Автобус уже уехал...

– Да хоть у меня переночуешь. Я тебе в дочкиной комнате постелю.

Я подумала и покачала головой. Хотелось в лес. Я уже настроилась жарить хлеб на костре, а деревья будут загадочно покачиваться у меня над головой, и бледная луна – подмигивать с прозрачного неба. И променять все это на деревенскую ночевку? Запах леса на запах навоза?! Да ни за что!!! Так я и заявила.

Баба Вера стала еще более задумчивой.

– Зря ты это затеяла. Напрасно. Кто знает, что ты там найдешь...

Я пожала плечами. Что я там найду кроме комаров и романтики? Вопреки всем воплям о страшном лесе. Поверьте мне, на улице среди бела дня гораздо опаснее, чем

в самом темном лесу самой страшной ночью. А в нашем хоженном-перехоженном лесу вообще нет ничего особо страшного.

– Или кто меня найдет? Может, это судьба?

– Может, и так. Только будь осторожнее.

Я попрощалась и отправилась дальше. Уже стемнело, когда я вступила в подлесок. Настроение не то чтобы испортилось, но как-то изменилось. И не в лучшую сторону. Странно как-то было. Словно что-то менялось во мне и в природе. Я уже давно сошла с дороги и шагала по бурелому, привычно держа направление на запад, к реке. Как хорошо в лесу! Сосны колыхались и завораживали меня. Легкий ветер скользил по лицу, лаская его и стирая капельки пота. А запахи! Цветы, травы, хвоя, смола... Я завертелась, широко раскинув руки. Голова у меня пошла кругом от переизбытка кислорода. А когда я проморгалась, посреди поляны стояло оно. Это было похоже на привидение или на взбесившееся облако, которое решило сменить небесную прописку на лесную. Лоскут снежно-белого марева, лохматого по краям и непрозрачного в середине. Я помотала головой. Лоскут все так же стоял посреди леса, не собираясь исчезать. В следующие пять минут я поочередно щипала себя за руку и за кончик носа, чесала в затылке и швыряла в странное явление веточки. Потом обошла его кругом. Веточки пролетали в марево и не возвращались. Что я сделала? Я поступила, как тот самый генерал из анекдота. Не фиг тут думать, прыгать надо. Так что я разбежалась, покрепче зажмурилась и ринулась прямо в плотную белую середину. И, кажется, визжала в полете.

* * *

Я визжала громко и пронзительно, на одной высокой ноте. От такого визга могли и стекла полопаться. Это был мой коронный детский номер. Я могла визжать без перерыва до получаса. Потом требовалось немного передохнуть, и я могла визжать еще полчаса. И сейчас намеревалась побить все свои прежние рекорды, но пребольно

хлопнулась задом о какую-то твердую поверхность. И заткнулась. Потом открыла глаза. Сперва один, потом второй. М-да, круто я попала, только вот куда?! Уж точно не на ТВ. Ни камер, ни зрителей. Хотя нет, зрители как раз имелись. Я сидела на заднице в огромном зале с колоннами. Потолок был белым, стены и колонны черными, и пол тоже. А я находилась точно в центре пентаграммы, нарисованной чем-то красным. Рядом с пентаграммой стояли два странных типа. Первый из них имел вид мага с картинки. Этакая синяя хламида, расшитая золотом, кипенно-белые волосы, падающие на плечи красивыми волнами, окладистая борода и ярко-алый нос. Второй был раза в три потолще «мага» и ниже на голову, в фиолетовой хламиде, тоже расшитой золотом. Она великолепно оттеняла короткую черную бороду и блестящую лысину. Лысина маскировалась редкими прядками, начесанными от ушей на макушку. «Внешний заем», – вспомнила я. И фыркнула. Горло болело, как будто я его час наждаком начищала. Интересно, а говорить я смогу? Надо проверить. И первой моей фразой стало:

– Мать вашу за ногу!

– Россия, – безошибочно определил пузатый тип.

– Согласен с вами, коллега, – наклонил голову «маг». – Кажется, это одно из общеупотребительных русских выражений?

Говорили они на каком-то странном языке, но я их понимала. Слова сразу проходили в мозг, не задерживаясь в ушах. Голоса звучали странно, но вполне приятно.

– Да, по нашим сведениям... – начал толстяк.

Что там было по их сведениям, я уже не узнала. Потому что решила поддержать честь родной державы парочкой не менее общеупотребительных, но уже непечатных выражений:

– ... !!! ... !!! ... !!!!

– Несомненно, Россия, – заключил худой.

Я помотала головой, прогоняя остатки дурноты. Народная русская речь – это, конечно, хорошо, но пора бы и налаживать контакты с аборигенами.

– Ладно, колитесь, господа-товарищи-граждане! Где я? Кто вы? Как я здесь оказалась? Что со мной произошло в лесу? Что вы собираетесь со мной делать?

Между двумя типами словно пронесся теплый поток. А поскольку они стояли друг напротив друга и как раз надо мной, то меня тоже задело. Тогда я еще ничего не знала, но четко уловила обрывок чужой мысли, поняла, что это касается меня, и решила вмешаться в разговор. Молчание, конечно, золото, но я всегда больше любила серебро.

– Логика мне действительно сопутствует, но далеко не всегда. У нее есть занятия и поинтереснее, а вообще я предпочитаю чувство юмора.

Толстый и тонкий обменялись странными взглядами и впились в меня глазами.

– Вы что-то поняли из наших мыслей? – спросил тот, что был похож на мага.

Я решила быть честной.

– Далеко не все. Только три слова: «Логика всегда сопутствует...» А что это означает, я не знаю. Но вы точно имели в виду меня.

– Это уже очень много. Это просто невероятно. Ладно. Вставайте, девушка, и давайте поговорим. – «Маг» протянул мне руку. Я гордо отвернула нос и попыталась подняться сама. Все тело будто закололо тысячами иголок. Отлежала я его, что ли? Но когда? Ладно, стиснем зубы и перетерпим. Бывало и хуже, особенно когда я только начинала заниматься карате. Типы посмотрели на меня с уважением. Я, не удержавшись, почесала копчик и потянулась всем телом. Толстый улыбнулся мне:

– Пойдемте отсюда, девушка.

– Откуда вы знаете, что я девушка? – не удержался мой длинный язык. – Может, у меня дома семеро по лавкам сидят?

– Давайте вы потом покажете, какая вы крутая, – осадил меня седобородый. – А пока пойдемте отсюда. Вы же хотите получить объяснения по факту своего появления здесь?

Я безропотно повиновалась. Объяснений хотелось даже больше, чем в туалет. А уж как туда хотелось... Надо было сперва присесть под кустиком, а уж потом прыгать.

А то опозорила бы родную державу на весь, на всю... Короче, на ту точку, в которую я попала. Минимум – двумя литрами.

Мы покинули зал, спустились по лестнице и зашли в какую-то неприметную дверь. Седобородый тип хлопнул в ладоши. Зажглись светильники. Маленькие такие шарики, висящие на оленьих рогах. Я огляделась по сторонам. Это явно был чей-то кабинет. Множество шкафов с книгами, громадный письменный стол, несколько кресел, уютных даже на вид. На стенах то ли плакаты, то ли картины. Разглядеть я их не успела, потому что седобородый мужчина пригласил меня занять кресло, а сам уселся напротив и впился в меня инквизиторским взглядом.

– Теперь можешь задавать вопросы, – разрешил «маг».

Я вдохнула, потом выдохнула воздух, потом опять вдохнула и выдохнула. Обладая родными, которые повторяли все по шесть-восемь раз, я просто не переносила эту манеру в других людях, и еще больше не переваривала, когда повторять заставляли меня. Аутотренинг помог плохо.

– Спрашиваю в третий раз, – тихо произнесла я. – Где я, черт подери?!

– Ты прошла через ворота в другой мир, – спокойно ответил чернобородый.

Я просто не поверила. Поэтому и спросила с издевкой:

– А вы кто? Волшебники?

– Интуиция у тебя великолепная, – согласился чернобородый. – Мы действительно колдуны.

– Правда?!!

Глаза у меня тихо полезли на лоб. Хотя... Может, я просто с разбегу об сосну ударилась, когда прыгала через облако? А сейчас я очнусь и обнаружу, что лежу среди деревьев с шишкой на лбу.

– Вполне возможно, – согласился «маг». – Но это зависит от тебя.

Я уже ничего не понимала.

– Расскажите все по порядку, пожалуйста, – жалобно попросила я, – я же сейчас с ума сойду, а вы еще и издеваетесь! Совести у вас нет – так мучить нежную девушку!

Мужчины весело переглянулись. Кажется, они мне не верили. И зря... Я же такая нежная, такая чувствительная... не всяким бревном перешибешь!

– Хорошо, – кивнул седобородый, – слушай. Ты действительно находишься в другом мире. Наш мир и твой совсем разные. В вашем мире техника подавила души людей. Мы же не строим машин. Наш мир основан на магии. Магия слова, магия жеста, магия мысли. Да, в чем-то мы используем и машины, но они играют второстепенную роль. У вас изучают физику и начертательную геометрию. Мы исследуем строение потоков магического эфира, сокращенно – СПЭФ и начертательную магометрию. Ваш мир – механика, наш – колдовство. Когда-то наши миры соприкасались, и дорога к нам и к вам всегда была открыта. Многие приходили, кто-то оставался, кто-то возвращался, многие учились здесь...

Я вспомнила сказки народов мира, которые перечитывала под настроение, и охнула. Вот оно что! Мир магии! Отсюда все и пошло. И тридевятое царство, и «поди туда, не знаю куда», и все-все-все остальное, типа говорящих волков и вампиров!

– Правильно, – подтвердил седобородый.

Как ни ошеломлена я была свалившимися мне на голову новостями, но все-таки наконец среагировала. Не прошло и года!

– Вы что – мысли читаете?!

– Читаю. Ты еще совсем не умеешь контролировать их. Но не все, а только те, что относятся к нашему миру. Надо же знать, не принесешь ли ты нам вреда!

Я невольно засмеялась. Ну и наглость! Затащили к черту на рога, а теперь еще и в мозги лезут!

– Ладно, читайте. Со временем я вам отплачу той же монетой.

– Посмотрим. Так вот, около шести тысяч лет назад по нашему летоисчислению...

– А по-нашему? – не утерпела я.

– Около двух тысяч лет. Три наших дня равны одному вашему. Ясно? Подробнее тебе потом расскажут, на «временных потоках».

– Простите, больше перебивать не буду.

Колдун кивнул и продолжил:

– Около шести тысячелетий назад один безумный гений запер ворота между нашими мирами. Он был колдуном, и гениальным колдуном, надо сказать, но в то же время сумасшедшим. Он возненавидел все иные формы жизни.

Я зажала себе рот рукой, чтобы не перебивать, но «маг» улыбнулся и пояснил:

– Мы, люди, самая многочисленная раса, но есть еще и другие. Вампиры, оборотни, друиды, эльфы, элвары, альвы, гномы, лешие, кикиморы... да всех просто не перечислишь! Этот маньяк, а по-другому его и не назовешь, смог закрыть ворота между нашими мирами, и вы пошли по технократическому пути развития. Он уже умер, и это очень хорошо, но этот мерзавец был гением. После своей смерти, то есть самоубийства, он устроил так, что его неизрасходованная сила, – он как-то так произнес это слово, что я сразу поняла – речь идет о магической силе, а не о бодибилдинге, – поддерживает заклинание, закрывающее наши миры друг от друга. Наши колдуны подсчитали, что это продлится еще около двадцати четырех тысяч лет. По вашему счету это около восьми тысячелетий. Потом ворота откроются, и ваш мир снова станет миром магии.

– Если доживет до этого, – вздохнула я.

– Даже если и не доживет, – пожал плечами седобородый. – Магия может многое. И устранить все, что вы причинили себе своими нелепыми железками, и вырастить леса, и наполнить моря водой... И мы опять придем в ваш мир. Я, конечно, не доживу, но мои дети, внуки, правнуки... Ладно, это просто мои мечты. Так вот тот подонок не только запер наши миры, он еще и насадил в вашем мире чрезвычайно агрессивную и нетерпимую религию. И новоявленные христиане, – слово это он выговорил так, словно его жгучим перцем посыпали, – рванулись истреблять всех, кто не успел удрать. Чертей возвели в ранг сил Тьмы! Про колдунов и ведьм рассказывали такое, что повторять тошно! За несчастными вампирами и оборотнями охотились, как за дикими зверями! Да ты и сама все отлично знаешь!

Еще бы мне не знать. Небось все про инквизицию в школе слышали!

– Пока он был жив, мы ничего не могли сделать, – вздохнул чернобородый. – Этот мерзавец и правда талантлив. Но после его смерти мы сумели найти лазейку. Представь себе, что ручей, впадающий в огромную реку, завалили камнями. Он потек по другому руслу, набирая в себя грязь и гадость, но отдельные его потоки... Нет, не потоки, капли, всего лишь капли, но они все-таки просачиваются через камни. И их все больше и больше. И ты – одна из таких капель.

– Оставим поэтические сравнения для певцов и музыкантов, – решительно вмешался седобородый. – Скажи честно, девочка, как ты относишься к вампирам и оборотням? Эльфам и лешим? Кикиморам и водяным?

Показалось, что его взгляд проткнул меня насквозь. Но стыдиться мне было нечего.

– Никак не отношусь, – ответила я. – Никакого страха или отвращения. Скорее, наоборот. Здоровое любопытство. А у вас они водятся? Все сразу?

Глаза «мага» потеплели.

– Это хорошо. Теперь я могу говорить дальше.

– А если бы я сказала, что я – ревностная христианка и всякую нечисть надо уничтожить?

Спрашивала я из чистого любопытства. Во-первых, я всегда была атеисткой. Как говорил один мой знакомый, надо либо думать, либо верить. Я же предпочитала думать. Бога нет до тех пор, пока его существование нельзя будет доказать математическим путем. И точка. А во-вторых, я с детства усвоила, что нет плохих и хороших, есть только наше отражение в зеркале. И если тебе подставляют подножку, подумай, что бы сделал ты на месте этого человека. Возможно, то же самое? Так какое же право я имею осуждать тех же вампиров? Они пьют кровь, согласно мифам. Но им же это необходимо! Стоит только поставить себя на их место, и их уже нельзя осуждать. Неужели вы, неожиданно превратившись в вампира, перешли бы на растительную пищу? Что-то я сомневаюсь. Или еще проще. Я в жизни видела ну очень мало вегетарианцев. С нашей точки зрения, есть бифштекс – поддерживать силы. А с точки

зрения коровы, из которой этот бифштекс приготовлен? Убийство и людоедство.

– Ты бы очнулась в лесу с сильной головной болью и шишкой на лбу, – отрезал седобородый. – Мы не можем рисковать! В нашем мире не будет ни христианства, ни остальных его разновидностей! Слишком мы разные, чтобы делиться на угодных и негодных вашему Богу! Да и рабы из нас плохие!

– Мы не рабы!

– Угу, а рабы – не мы? Так, что ли? А как же ваши фразы? Раб Божий такой-то, спаси, Господи, раба своего, такого-сякого? Не ваши?

– Наши. – Я внезапно поникла духом. – Я ведь крещеная. Это может помешать?

– Не может. Пять капель воды и бормотание, которое исходило от человека, лишённого магической силы и знаний, не могут ни помешать, ни повредить тебе как ведьме. Если ты сама во все это не веришь.

– Я не ведьма.

– Пока – нет. Я ведь так и не представился тебе. Ведун Антел Герлей. Полностью – Верховный колдун Магического Универса, Антел Герлей. Ученики до ведуна сократили, а там и прижилось. Это мой помощник, – он кивнул на чернобородого. – Колдун Бреме Теодорус.

– Оч-чен-нь п-прият-тно, – заикнулась я. – Юлия. Сичникина. Можно – Леля. А почему – Универ, а не Университет?

– Узнаешь на уроках истории.

– Уроках истории? – Новости вышибли из меня остатки мозгов. Голова казалась большой и гулкой, как медная кастрюля.

– Да, на уроках истории! И теперь мы подходим к самому главному. Ты хочешь здесь учиться?

Хочу ли я стать ведьмой? Хочет ли орел – летать, рыба – плавать, человек – дышать?! Хочу ли я стать колдуньей?! Да я готова была заплатить за это любую цену!

– Платить не потребуется, – прочел мои мысли ведун. – Во всяком случае, деньгами. Но должен тебя огорчить. Дело в том, что пройти из вашего мира в наш можно только в строго определенные дни. Сюда ты прошла. Вер-